

Сюй Яо, который только что был в восторге, теперь не сразу понял, что происходит. Он был во дворце уже давно, но еще не видел императора, и только из слов этих людей начал что-то подозревать.

Жун Цзянь поднял глаза и холодно взглянул на Сюй Яо.

Главный евнух Чжан Дэшуй воскликнул:

— Ох, мой господин, как ты мог поддаться на уговоры такого дерзкого предателя, иди скорее ко мне.

Сюй Яо наконец очнулся, он понял, что сказал и сделал, и кто стоит перед ним. Его тело обмякло, он даже не смог подняться, чтобы поклониться и умолять о пощаде.

Охрана, патрулировавшая вокруг, тоже подошла и схватила заговорщика, лежащего на земле.

Через полчаса в павильоне Люгуань Сада Неумелости собрались самые влиятельные люди из дворца Тайпин.

Император, вдовствующая императрица, случайно прибывший Цуй Гуй, и Жун Цзянь.

В такой ситуации, как и в прошлый раз с делом о бешеной лошади, Жун Цзянь был участником, жертвой, но не мог говорить, а просто наблюдал со стороны.

Вдовствующая императрица сидела на главном месте, закрыв глаза, перебирая четки, не говоря ни слова. Она только что была в дворце Цынин, молилась Будде, и, услышав эту новость, едва смогла подняться, но через некоторое время приехала в Сад Неумелости.

Фэй Цзиньни обладал удивительным самообладанием, теперь уже не было видно гнева, который он испытывал в Саду Неумелости, и с печалью и заботой сказал:

— Я знал, что Сюй Яо — твой внучатый племянник, твоя кровь, поэтому позволял ему, как постороннему мужчине, входить и выходить из внутренних покоев. Он близко общался с принцессой, и я тоже знал об этом. Думал, что они оба твои родственники, и брак между ними был бы радостным событием, укрепляющим родственные связи.

Жун Цзянь молча слушал.

Несколько дней, когда он не ходил в Покои Янфу на учебу, учитель Ци написал ему записку, в которой говорил, что понимает, почему он не приходит, и что господин Сюй не представляет угрозы. За месяц в столице он уже получил множество подарков от герцогов, и даже от торговцев, принимая все без разбора. Он был простолудином, но, будучи внучатым племянником вдовствующей императрицы, все знатные семьи знали причину его приезда в Шанцзин и оказывали ему уважение, используя его для сбора богатств.

Учитель Ци предложил найти кого-то, кто напишет на него донос, чтобы отправить его обратно на родину, не позволяя ему устраивать беспорядки во дворце и мешать учебе принцессы.

В конечном итоге, все ради учебы.

Но Жун Цзянь отказался от этого способа.

Он хорошо понимал, что даже если этот Сюй Гуанцзун уйдет, другие племянники семьи Сюй уже в пути, и в будущем это станет бесконечной проблемой, поэтому нужно было раз и

навсегда решить вопрос.

Вдовствующая императрица хотела, чтобы он женился на ком-то из семьи Сюй, чтобы родить ребенка, которого можно было бы контролировать как императора; а император хотел оставаться на троне до самой смерти, а затем передать власть Фэй Шичуну, сделав ее своей семейной.

Хотя на самом деле обе стороны сражались с ветряными мельницами, потому что Жун Цзянь, как мальчик, не мог рожать детей.

А вдовствующая императрица сейчас вела себя так дерзко, потому что после дела о бешеной лошади император оказался в невыгодном положении. Если бы вдовствующая императрица совершила ошибку, это могло бы изменить ситуацию.

Жун Цзянь не знал, как заставить вдовствующую императрицу ошибиться, но заставить Сюй Яо совершить такую ошибку было легко.

Сложным было время и информация. Заставить Цзиньвэй раскрыть местонахождение императора было трудно, но рассказать о делах с наложницами было легко. А наложницы, подкупавшие евнухов, сопровождавших императора, были обычным делом.

Сегодня в павильоне Сяочунь Сада Неумелости ждала драгоценная супруга Сяо, чтобы играть на цитре.

К сожалению, драгоценная супруга Сяо сегодня не дождалась императора.

Но все эти случайности и совпадения, чуть-чуть, и они могли не встретиться. Запасным планом Жун Цзяня была драгоценная супруга Сяо, но это было не совсем то, и, возможно, не дало бы такого эффекта.

К счастью, все получилось. Жун Цзянь держал в руках горячий чай, но не чувствовал радости от успеха, он думал почти спокойно.

Фэй Цзинь сказал:

— Я лишь временно управляю государством, если однажды в семье Жун появится наследник, я без лишних слов уйду на покой и верну трон семье Жун. А этот Сюй Яо, такой дерзкий, обманывал принцессу, пытался захватить власть, чтобы династия перешла в другие руки.

Сюй Яо, связанный по рукам и ногам, лежал на земле, слезы уже давно высохли, теперь он безуспешно бился головой о землю и кричал:

— Ваше величество! Вдовствующая императрица! Я был пьян, вел себя неподобающе, говорил чепуху, пожалуйста, пощадите мою жизнь!

Фэй Цзинь глубоко вздохнул:

— Матушка, этот предатель хотел, чтобы дети, рожденные принцессой, стали частью семьи Сюй, такой дерзости я не могу оставить безнаказанной.

Он затем громко спросил:

— Господин Цуй, что вы думаете?

Цуй Гуй сидел на стуле напротив Жун Цзяня, он был уже стар и, кажется, плохо слышал, подумал немного и сказал:

— Ваше величество, вы совершенно правы.

Сюй Яо, увидев это, пополз к ногам вдовствующей императрицы Сюй, пытаясь вызвать ее жалость, но не успел приблизиться, как момо Чэнь пнула его, и он закричал:

— Бабушка, я твой внучатый племянник!

Вдовствующая императрица Сюй, закрыв глаза, быстрее перебирала четки, выглядела доброжелательно, но сказала:

— Этот зверь, выведите его и казните, не разрешайте хоронить, пусть будет похоронен на заброшенном кладбище за городом. Пусть все знают, какая участь ждет тех, кто осмелится на измену.

Но в конечном итоге этот господин Сюй сохранил свою жизнь.

Фэй Цзинь сослал его в Заброшенную столицу, лишил его фамилии, но оставил ему жизнь, чтобы напомнить миру о честолюбивых планах вдовствующей императрицы, свидетелем и доказательством чего он был.

Этот фарс на этом закончился.

Жун Цзянь тоже устал, он попрощался с императором и вдовствующей императрицей и, получив разрешение, ушел.

Проходя мимо Цуй Гуя, тот поднял большой палец.

Это означало «молодец».

Учитель Ци предлагал лишь временное решение. А Жун Цзянь своим ходом заставил вдовствующую императрицу на время перестать устраивать свадьбы для принцессы. Вдовствующая императрица и император в последнее время совершали ошибки, и теперь им приходилось поддерживать прежний баланс.

Жун Цзянь на мгновение замер, затем вышел из павильона Люгуань.

Наверное, он долго не захочет возвращаться в этот сад.

Снаружи его ждал Мин Е.

Он не стоял с другими слугами, держа в руке яркий фонарь и направляясь к нему.

Жун Цзянь замер, растерянно спросил:

— Разве ты не был сегодня в отпуске?

Мин Е держал фонарь:

— Ничего особенного не было, поэтому вернулся.

Он посмотрел на лицо Жун Цзяня и тихо спросил:

— Что случилось, господин, ты устал?

Жун Цзянь сжал губы, на самом деле внутри он изо всех сил держался, а теперь, когда Мин Е спросил, он почувствовал усталость.

У него не было таланта к таким интригам, и, принимая решение сделать это, он не жалел, но всегда боялся ошибиться и проиграть.

Что тогда делать? Может ли император узнать его тайну?

Он действительно боялся.

Жун Цзянь протянул руку к Мин Е, он хотел, чтобы этот человек поддержал его, и тихо сказал:

— Я так устал и так боюсь.

Сегодня днем солнце светило ярко, но ночью на небе не было ни луны, ни звезд.

Жун Цзянь опустил глаза, его настроение было как эта ночь, которая готовилась к дождю, но не пошла, не холод после дождя, а какое-то тяжелое чувство, давящее на него.

Поэтому он протянул руку к этому человеку.

На самом деле, он не слишком много думал, просто инстинктивно почувствовал, что этот человек его поймает.

Мин Е сделал шаг вперед, приблизился, и рука Жун Цзяня, замершая в воздухе всего на мгновение, была снова взята другой рукой. В отличие от него, у Мин Е была рука, держащая саблю, и, когда он держал его руку, Жун Цзянь почувствовал себя как на устойчивой, бескрайней платформе, где он не боялся упасть и не беспокоился о том, что окажется в тесном, узком месте и случайно сорвется в пропасть.

Жун Цзянь сжал губы, кончики пальцев слегка сжались.

Мин Е серьезно спросил:

— Господин, чего ты боишься?

Жун Цзянь кончиками пальцев коснулся тыльной стороны руки Мин Е, как бы подталкивая его:

— Пойдем. Я хочу уйти отсюда.

Авторское примечание:

На самом деле, если бы Жун Цзянь не сделал этого, Мин Е тоже бы разобрался.

Спасибо за чтение, в комментариях разыгрываем двадцать красных конвертов! Спокойной ночи!

<http://bllate.org/book/16310/1471571>